

Иерусалимский ковчег

Автор:

[Александр Арсаньев](#)

Иерусалимский ковчег

Александр Арсаньев

Записки масона #2

Сюжет романа связан с отчаянной борьбой Масонского Ордена с другим мистическим обществом – Мальтийским Орденом (кстати, командорами последнего являлись Павел Первый и Ельцин) за обладание священной реликвией – «Ковчегом завета». Предательство, интриги, клубок страстей – и детективное расследование героя романа – господина с весьма экзотической биографией и внешностью.

Александр Арсаньев

Иерусалимский ковчег

Дмитрий Михайлович Готвальд проснулся с волнующим ощущением того, что удача наконец-то улыбнулась ему. На миг лицо его омрачилось при мысли, что все произошедшее с ним – всего лишь ночная греза, навеянная шутливым Морфеем, с объятиями которого он не расставался до полудня. Тогда этнограф огляделся по сторонам. Все было по-прежнему, та же скромная мебель, черное фортепиано, шкаф с книгами и статуэтка Шивы. На столике – загадочная тетрадь с записями масона.

Дмитрий Михайлович Готвальд прибыл в Сибирь изучать тюремный фольклор. И надо же было так случиться, что по пути до Тобольска его тарантас «потерпел крушение»: отвалилось левое колесо! Сегодня Дмитрий Михайлович воспринял

это событие как перст судьбы! Волею случая в его руках оказался дневник Якова Андреевича Кольцова, отставного поручика Преображенского полка, скомпрометировавшего себя участием в декабрьском восстании 1825 года и сосланного на поселение в город Тобольск. Он писал, что вступил в орден «Золотого скипетра» девятнадцати лет от роду, и мастер разрешил его от силанума, священного обета молчания.

Готвальд знал о практической стороне масонства, которая представляла из себя педагогическую, благотворительную и книгоиздательскую деятельность, но дневник Кольцова стал для этнографа подлинным откровением и позволил заглянуть в святая святых масонской ложи, приоткрыть тяжелую дверь «храмины темной», сокрытой от непосвященных.

Дмитрий Михайлович всего-то за пять целковых выкупил в таежной харчевне у бродяги Гурама записки масонского детектива.

Конечно, не все позволил себе отразить в своем дневнике бесстрашный Яков Андреевич, ссылаясь на древнюю клятву вольных каменщиков: «В случае же малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренности вырваны и брошены в бездну морскую; тело мое сожжено и прах его развеян по воздуху».

Просвященный Яков Андреевич Кольцов оговаривался, что это не пустые слова.

Здесь, в доме, где некогда проживал Кольцов, и ознакомился Готвальд с частью его записок. Он снова открыл тетрадь, бархатная обложка которой была разукрашена древними символами, смысл которых возможно было постичь лишь немногим посвященным. Ему очень хотелось познакомиться с новой историей приключений отставного поручика, раненого в битве под Лейпцигом, но дневник обрывался на полуслове, а больше тетрадей не было!

Дмитрий Михайлович, находившийся все еще под впечатлением от прочитанного, вздохнул, закрыл записки, и, даже не попрощавшись с инспектором, покинул тюремный музей и отправился в облюбованную им гостиницу.

Вечером в дверь его номера постучались. Дмитрий Михайлович вовсе не собирался принимать гостей. На следующий день он намеревался продолжить

свою прерванную работу и потому не был расположен к светским беседам. Открытый лист к сибирской администрации, подписанный начальником Забайкальской области, открывал перед ним самим практически любые двери.

Нехотя, он все-же впустил незваного гостя, предварительно поинтересовавшись:

– Кто там?

– Открой, барин! – услышал Готвальд знакомый голос.

– Гурам? – удивился он, повернув в замочной скважине ключ.

На пороге стоял все тот же голосистый бродяга в рваной поддевке, напевший в харчевне задумчивую песню и продавший Дмитрию Михайловичу тетрадь в лиловой обложке. Он переминался с ноги на ногу и скалил зубы.

– Ну, входи! – выдохнул Готвальд и пропустил Гурама вперед себя. Сердце его бешено запрыгало в груди от волнения. – Как тебя сюда впустили-то?

Бродяга ухмыльнулся.

– Так я сказал, что мне к вам надо.

– Как ты меня нашел-то? – не переставал удивляться Дмитрий Михайлович.

– Земля слухами полнится, – ответил Гурам. – Вот я и объяснил, что меня известный ученый дожидается.

Готвальд не смог сдержать улыбки. До чего же все у этого Гурама выходило просто.

– Новую песню мне принес? – поинтересовался он осторожно.

Черные глаза кавказца блеснули лукавым огнем. Дмитрий Михайлович готов был сказать, что в них заплясали черти.

- А вы до чего больше нужду имеете? До песен ли?

- В смысле?

- Понравились вам записки? – осведомился в ответ бродяга.

- А что? Ты-то в том какой интерес имеешь? – покосился Дмитрий Михайлович на своего гостя с подозрением.

- А такой, – объяснил Гурам. – Дружок мой перед смертью место мне одно указал, – он выдержал значительную паузу, а затем продолжил:

- Так в том месте этих тетрадей целый сундук припрятан.

- Что же ты сразу-то не сказал?! – возмущенно воскликнул Дмитрий Михайлович.

Бродяга пожал плечами:

- Всему свой срок! – и оживленно добавил:

- Глядишь, и сговоримся за сто рублей.

- Сначала я должен собственными глазами увидеть твой сундук, – заметил Готвальд.

Гурам спорить не стал:

- О чем разговор?

Вечером Дмитрий Михайлович в сопровождении Гурама выехал за город в том самом злосчастном тарантасе, который кучер Харитон успел уже починить. Когда совсем стемнело, повозка подъехала к неказистому сараю. Кавказец зажег свечу, открыл амбарный замок и вошел под крышу. Дмитрий Михайлович последовал за ним.

- Вот! – кивнул бродяга.

Вдоль стены и впрямь стоял длинный резной сундук. Гурам приподнял тяжелую крышку. Дмитрий Михайлович подошел поближе. Тетради лежали стопками одна на другой, и все они были исписаны знакомым каллиграфическим почерком. Готвальд денег не пожалел.

Вернувшись в гостиницу, он тут же приступил к чтению, даже не взяв на себя труд переодеться и отужинать. Терпения хватило только на то, чтобы расплатиться с носильщиками.

I

День, когда я должен был рассчитаться с квартальным надзирателем Лаврентием Филипповичем Медведевым, за оказанную мне в недавнем прошлом услугу, выдался туманным и пасмурным. Я не спеша брел к Петропавловскому собору, где у меня была назначена встреча с вышеназванным господином.

Часы-куранты, установленные на колокольне взамен сгоревших при пожаре лет шестьдесят назад, сыграли мелодию гимна «Коль славен наш Господь в Сионе» и пробили шесть, когда я подошел к собору. Медведев явно запаздывал, его заметный мундир не маячил на горизонте. Отношения с надзирателем у меня были сложными и своеобразными. Он меня на дух не переваривал, и я соответственно отвечал ему тем же. Однако внешне все выглядело вполне благопристойно, и Лаврентий Филиппович, порою даже передо мной заискивал, видимо, в силу его благоговения перед Орденом, к которому я имел счастье принадлежать. Сам же Медведев к масонам не имел практически никакого отношения, но в связи с некоторыми обстоятельствами вынужден был оказывать мне услуги полицейского рода.

Наконец кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся:

– Лаврентий Филиппович, день добрый.

– Яков Андреевич, безмерно рад! – расплылся он в обычной своей улыбочке, иной раз ввергавшей меня в тоску.

Я достал из кармана сюртука свой сафьяновый бумажник.

– Долг платежом красен, – удовлетворенно заметил Медведев, поглаживая себя по подбородку. Его бледные глаза, в обрамлении золотисто-рыжих ресниц, потеплели и перестали казаться серыми.

Я молча отсчитал ему положенные банкноты, переданные мне мастером, Иваном Сергеевичем Кутузовым.

Я готов был уже распрощаться с Лаврентием Филиппови – чем, как он задумчиво произнес:

– По-моему, Яков Андреевич, у меня есть некоторые све – деня, которые вас должны заинтересовать.

Я притворился удивленным:

– Неужто?!

У Лаврентия Филипповича Медведева было одно неоспоримое достоинство. Он никогда не беспокоил меня по пустякам.

– Три дня назад, – начал Медведев многозначительно. – В Неве, под аркой Исаакиевского моста выловили некое тело, – он сдвинул светлые брови и замолчал, в ожидании моей ре – акции.

Не стану скрывать, по поручению Ордена я нередко распутывал страшные преступления. Но, по-моему, это вовсе не говорило о том, что всякое тело, выловленное в Неве, имело ко мне самое непосредственное отношение.

– И что же?

Надзирателю мой вопрос не понравился, так как он, судя по всему, собирался осчастливить меня этой бесценной информацией.

– Имя Виталия Строганова вам о чем-нибудь говорит?

Скорее всего, Лаврентий Филиппович явственно разглядел перемену в моем лице, так как прямо на глазах у него улучшилось настроение. Разумеется, это имя слышал я не впервые, так как лично присутствовал на обряде его посвящения в степень аверлана, то есть ученика. И случилось это, можно сказать, прямо-таки недавно.

– При каких обстоятельствах это произошло? – всерьез поинтересовался я, живо вообразив себе этого милого белокурого юношу со страстным взором. Что же могло заставить эту чистую душу шагнуть с моста? Чем заманили его промозглые темные глубины? Неужто настолько буквально воспринял аверлан седьмую добродетель, соответствующую седьмой ступени Соломонова храма? Учителя заповедовали нам любовь ко смерти!

– Подозреваю, – промолвил надзиратель, – что гибель вашего друга была не случайной.

– А откуда вы узнали о нашей дружбе? – насторожился я.

– При покойном лично мною было обнаружено кольцо с вашей символикой, – пояснил Медведев. – Из чего я и заключил, что и он имеет к вашей ложе непосредственное отношение, если, конечно, кольцо не краденое, – Лаврентий Филиппович усмехнулся. – Но тогда, я полагаю, его смерть должна заинтересовать вас тем более.

– Справедливо полагаете, – заметил я, все еще ошеломленный услышанным. – Почему вы сомневаетесь, что Строганов покончил с собой?

– Мы узнали о происшествии со слов свидетеля, – объяснил надзиратель. – Ему показалось, что он видел рядом с Виталием еще одну фигуру, хотя и не слышал шума борьбы. Но утверждать наверняка он не берется, так как дело происходило в потемках, а у нашего свидетеля очень плохое зрение. Однако он явственно разглядел, как кто-то свалился в воду, и слышал всплеск. После чего и поспешил в управу, так как никого не оказалось поблизости, а жертва не просила о помощи. Да он в любом случае вряд ли смог бы ему чем-то помочь.

– А вы уверены, что это именно Строганов? – засомневался я.

Медведев махнул рукой:

– Уверен совершенно!

С моря повеяло холодом, я поднял свой воротник и постарался в него зарыться как можно глубже. Гранитная набережная за Невой показалась мне в этот час особенно мрачной.

Медведев тоже поежился и заметил:

– Домой бы уже пора. Супруга-то заждалась.

– А вы все же попробуйте рассказать поподробнее, – попросил его я и напомнил:

– Сами ведь разговор-то начали.

– Ладно, – согласился Медведев. – При трупке были обнаружены именные часы, так что позже выяснить его адрес мне особого труда не составило. Родители тело опознали. Они видели сына вечером накануне.

Это известие встревожило меня настолько, что я распрощался с Медведевым, позабыв расспросить его о личности свидетеля. Судя по всему, смерть Виталия не была случайной, и что-то подсказывало мне, что Иван Сергеевич непременно появится у меня с визитом на днях.

Мне было не по себе, я так до сих пор и не осознал случившегося, очень трудно было представить, что Строганова нет больше среди живых.

Я медленно приближался к дому, раздумывая о произошедшем и механически трогая амулет, спрятанный на груди. Подарок в форме двойного ромба с мифической буквой алеф грел мне душу и успокаивал.

У меня перед глазами так и стояла сцена недавнего посвящения. И от грустных мыслей болело сердце.

Когда поручитель ввел Виталия Строганова в ложу, среди присутствовавших был так же и я. Молодой человек выглядел растерянным, его глаза скрывала повязка. Все собравшиеся были в белых кожаных фартуках, хранившихся в

Ордене специально для ритуала. На мне тоже был фартук с отогнутым нагрудником. В дверях появился ритор, я узнал в нем своего хорошего знакомого Грушевского. Он долго и многозначительно говорил о таинстве, которое должно быть сохранено и передано потомкам и от которого зависит судьба всего человечества. Его указательный палец в кожаной белой перчатке был устремлен в грудь прозелиту. Я заметил, что у Виталия руки слегка подрагивали.

Потом ритор стал задавать ему церемониальные вопросы, знакомые мне, как и всякому масону.

- Клянешься ли ты сражаться со злом, воцарившимся в этом мире?

- Клянусь, - прошептал Виталий побелевшими, искусанными губами.

- Клянешься ли хранить священную тайну? - вновь вопрошал ритор.

- Клянусь, - вторил эхом взволнованный неофит.

Виталия подвели к столу, за которым сидели двенадцать человек, место председателя пустовало. Поручитель, лицо которого оставалось в тени, снял с его глаз повязку, Строганов зажмурился от яркого света. Алтарь освещали восемь огромных церковных свечей. К нему вели три ступени, означающие три последовательных рождения посвящаемого.

- Сегодня ты повергаешься к вратам храма, - провозгласил ритор.

Два брата встали из-за стола и под руки подвели Строганова к первой ступени. Ритор велел ему лечь. Виталий повиновался. Когда он встал, на него одели фартук Ученика с приподнятым нагрудником, изготовленный из кожи агнца.

Так кто же посмел посягнуть на жизнь новообращенного? Эта мысль не давала мне покоя весь путь до дома.

Я миновал аллею английского парка и подошел к парадному входу. Мира, кутаясь в кашмирскую шаль, уже поджидала меня на улице.

– Яков Андреевич, снова что-то произошло? – догадалась она, с тревогой заглянув мне в глаза. Сегодня она нарядилась по европейской моде, и вряд ли кто смог бы угадать в ней индианку. Свои тяжелые черные волосы она спрятала под изящной шляпкой с вуалью.

– Неужели, милая Мира, ты все еще не привыкла ко всяким неожиданностям, столько времени проживая со мной под одной крышей? – поинтересовался я, улыбаясь.

С тех пор, как я возвратился с Востока и привез ее с собой из далекой Индии, она добровольно взяла на себя обязанности экономки в моем доме. Я подозревал, что Мира тайно влюблена в меня с того самого момента, как мне посчастливилось избавить ее от жуткой смерти на родине. Индианка слыла гадалкой в своей стране, и мне не единожды суждено было убедиться в ее прорицательских талантах.

Мира вздохнула, ветер качнул ее дымковое платье.

– Ты же продрогла! – воскликнул я.

– Ничего подобного, – запротестовала Мира. – Я-то привыкла ко всему, – заявила она. – А вот Кинрю волнуется. Кажется, он возомнил себя вашим телохранителем!

В этот момент Юкио Хацуми, именующий себя Кинрю, что в переводе с японского значит ни больше не меньше, чем золотой дракон, вышел из-за колонного портика, предваряющего мой особняк, по всей видимости, намереваясь преступить к привычным обязанностям бессменного ангела-хранителя. Он пристально взглянул на меня из-под коротких густых ресниц и спросил как бы невзначай:

– Вскорости, вероятно, надлежит ожидать с визитом Кутузова?

– С каких пор ты научился читать мои мысли? – поинтересовался я полушутя-полусерьезно.

– С тех пор, как был вынужден в вашем обществе покинуть свою страну, – ответил Кинрю с достоинством. Его я привез с собой вместе с Мирой, выполнив важное поручение Ордена на Востоке еще до войны с Наполеоном. Только благодаря ему я смог избежать в Японии тюремных застенков.

Все вместе мы вернулись домой. Я чувствовал, что жутко проголодался, и, к моему удовольствию, в столовой уже был сервирован стол. Слуга подавал антре, холодные легкие закуски. И мы уже приступили к трапезе, когда принесли тортю, мой любимый черепаховый суп. Славная Мира, как всегда, обо всем позаботилась.

– Дело идет об убийстве? – сосредоточенно осведомился Кинрю, отправляя в рот полную ложку супа.

– Полагаю, что да, – произнес я в ответ, посчитав, что от расспросов все равно не отделаешься.

Так было всегда. Как бы я ни сопротивлялся, Юкио Хацуми узнавал все, что хотел. А о Мире вообще лучше смолчать. Иногда мне казалось, что моя черноокая подруга и так всегда знает все наперед. Чего только стоили ее магические сеансы гадания, будь то раскладка карт Таро или трактование древних астрологических таблиц. О ней в Петербурге уже ходили легенды!

– Ну, наконец-то! – усмехнулся Кинрю. – А то что-то мы уже заскучали.

Мира бросила на него убийственный взгляд, но ничего не сказала, выпив стакан холодной воды. Она заметно нервничала, предчувствуя появление Ивана Сергеевича Кутузова, мастера, открывшего мне истинный свет и тайную природу вещей. Ему я был обязан своим членством в Ордене и воистину безбедным существованием.

После обеда я поднялся в свой кабинет со сводчатым потолком и витражными окнами в средневековом стиле. Своим убранством он напоминал мне скорее келью монаха, нежели апартаменты человека из общества. Не успел я открыть тетрадь и взяться за свои записи (по совету Иоанна Масона я начал вести дневник), как камердинер доложил мне о визите Кутузова.

– Проси! – велел я ему и, захлопнув тетрадь, спрятал ее в своем тайнике, который располагался в стене за картиной Гвидо Ренни.

– Приветствую вас, друг мой! – поздоровался Иван Сергеевич, едва переступив порог моей скромной обители.

Я склонил свою голову в ответ.

– Очень рад вас видеть, – как это ни странно, но мои слова соответствовали истине. Я искренне обрадовался его визиту, вопреки тому, что наставник иногда даже мне внушал нечто вроде благоговейного ужаса. И тем не менее, я считал его своим другом, несмотря на то, что это именно он открыл мне вторую Соломонову добродетель, которая заключалась в повиновении. И это с моей-то любовью к свободе!

До моего вступления в Орден я считал своим главным девизом слова: «Liberte, egalite, fraternite ou la mort!»

Или, говоря по-русски: «Свобода, равенство, братство или смерть!» Однако истина показалась мне важнее, и я несколько изменил свое мнение о соотношении этих философских понятий.

Фонарик под потолком озарял своим матовым светом седины моего наставника, они казались еще белее, а морщины при таком освещении резче выделялись на его волевом лице, от чего он выглядел старше, чем был на самом деле.

– Говоря откровенно, я ждал вашего визита, – признался я, указав ему на стул.

– Так вы уже наслышаны о прискорбном событии?! – воскликнул он. – Плохие вести доходят быстро, – печально добавил Иван Сергеевич.

– Вы имеете в виду трагическую кончину Виталия Строганова? – уточнил я на всякий случай.

Кутузов кивнул:

– Совершенно верно. Дело явно запутанное. Как будто кто-то хотел инсценировать самоубийство.

– А вы не допускаете мысли, – поинтересовался я, – что Строганов и в самом деле покончил с собой, не выдержав нервного перенапряжения? Не каждому дано безболезненно приобщиться к великому учению! Возможно, на него повлияла чудовищная энергия, вызванная масонским церемониалом!

Иван Сергеевич пожал плечами:

– Трудно что-либо утверждать... – на некоторое время он замолчал, словно обдумывая сказанное мною, а затем промолвил:

– Вам, Яков Андреевич, и карты в руки. Конечно, и эту версию сразу же отвергать не стоит, но что-то подсказывает мне, что дело тут вовсе не в церемониале!

– Вам известно что-то еще? – насторожился я.

– Не могу пока сказать ничего конкретного, но кое-какие факты проходят тщательную проверку. Как только что-нибудь прояснится, я тут же вам непременно сообщу, – добавил Кутузов. – А пока займитесь расследованием! Был ли кто заинтересован в смерти Виталия, и имел ли он причину покончить с собой? Я думаю, не стоит напоминать, что виновный должен быть обязательно наказан!

– Не стоит, – я постарался произнести эти слова, как можно спокойнее. И все-таки почувствовал легкую дрожь, так как все еще не мог привыкнуть, что принадлежу к могущественному и беспощадному Ордену. – Не соблаговолите ли вы, Иван Сергеевич, сообщить мне адрес покойного Ученика?

– Конечно, конечно, – Кутузов вздохнул. Из его слов я смог заключить, что Виталий Строганов проживал вместе с родителями на углу Вознесенского проспекта и Екатерининского канала, неподалеку от церкви Вознесения Господня.

Проводив Кутузова, я собрался было к Медведеву в управу за подробностями, но опомнился, взглянув на фарфоровые часы. Время уже близилось к ночи, потому я

решил отложить все свои визиты на завтра.

II

Утро выдалось солнечным и прозрачным, будто венецианское стекло. Хотелось еще понежиться в постели, однако долг звал меня в дорогу, и я предвидел, что Лаврентий Филиппович будет сильно удивлен, если до полудня не дождется меня в управе. Кто-кто, а уж он-то знал наверняка, что я не замедлю там в скором времени появиться.

Переодевшись, я спустился в столовую, где красовался сервированный стол, во главе которого томилась в гордом одиночестве чернокудрая Мира. Белый атласный халат, шитый серебром, переливался в солнечных лучах и только подчеркивал ее восточную красоту. Кожа индианки казалась бронзовой, а огромные глаза манили, будто два глубоких бездонных омута.

Заметив меня Мира преобразилась, обнажила сверкающие зубы в улыбке. Черные глаза ее потеплели.

– Рада вас видеть – нежно проворковала она.

Я ответил, что тоже рад и стал озираться по сторонам в поисках моего японца.

– А где же Кинрю? – осведомился я. Мне уже представлялось странным, что моего ангела-хранителя нет на месте.

– В кабинете, – Мира пожала плечами. – Играет в шахматы сам с собой.

Это все объясняло, и я успокоился. За партией мой золотой дракон подчас забывал обо всем. До такой степени его увлекала стратегия игры. Иногда мы часами играли с ним в вай ки, одну из четырех королевских дальневосточных игр. Он почти никогда не расставался с доской, разделенной на квадраты в виде решеток, разве что для того, чтобы обыграть меня в шахматы, и таскал ее за собой, сопровождая меня в поездках.

Поэтому я не удивился, что завтракать пришлось без Кинрю, и он не отведал плова, приготовленного руками индианки. Именно благодаря Мире я и пристрастился к восточной кухне и дня не мог прожить без острого аромата пряностей, на которые моя Мира никогда не скупилась.

– Я уезжаю, – уведомил я ее.

Она встрепенулась и бросила на меня встревоженный взгляд.

– Надолго?

– Нет-нет! – замахал я руками. – Ты, верно, неправильно меня поняла! Скорее всего, я управлюсь до вечера. Мне надо всего лишь навестить Медведева.

– А... – Мира кивнула понимающе. С Лаврентием Филип – повичем к этому времени успела познакомиться и она.

Я переоделся в черный фрак с бархатным воротником и шелковыми пуговицами и велел возничему срочно запрягать лошадей. Шестое чувство подсказывало, что сегодня мне придется едва ли не весь город исколесить. Так обычно и случалось, как только наступала пора браться за новое дело, потому я и решил прокатиться в собственном экипаже.

Медведев встретил меня в своей обычной подобострастной манере, с приторной улыбкой на устах. Однако я нисколько не сомневался в его истинном ко мне отношении, и он прекрасно об этом знал, но тем не менее продолжал вживаться в образ моего преданнейшего друга. Я же был уверен наверняка, доведись ему возможность продать меня за тридцать серебрянников, он, Иуда, ничуть не заколебался бы. Пожалуй, Медведева удерживал только страх перед Орденом и щедрая оплата его услуг. Но, вопреки всему, мне приходилось иной раз полагаться на этого человека. Плох иль хорош Лаврентий Филиппович, а без него, может так случиться, не обойдешься!

– Ну, наконец-то! – воскликнул он. – А то я уж грешным делом, засомневался, что вы, Яков Андреевич, изволите нас осчастливить визитом. – Медведев указал мне на стул. – Заинтересовало-таки мое сообщенье! – заключил он удовлетворенно.

– Весьма заинтересовало! – заверил я его. – Хотелось бы узнать об обстоятельствах гибели Строганова поподробнее.

– А как у вас глазки-то загорелись, Яков Андреевич, – усмехнулся квартальный надзиратель. – Впрочем, – он деланно вздохнул, – я ничего другого от вас и не ожидал!

– Так чем порадуете? – осведомился я. – Как продвигается расследование?

Квартальный надзиратель пожал плечами и нехотя сказал:

– Да топчемся все на одном месте.

Он выдвинул ящик письменного стола и извлек из него золотые часы с цепочкой. Потом Медведев протянул их мне со словами:

– Вот. Были обнаружены при покойном.

Я осторожно, будто бесценную реликвию, принял часы из его рук и переложил себе на ладонь.

А вы их откройте, – велел мне Лаврентий Филиппович. – Ничего с ними не станется, не рассыплется, – самодовольно добавил он. Я послушался и приподнял крышечку со щелчком. На ее внутренней стороне значились имя и фамилия Строганова. Под ними были нацарапаны какие-то буквы и несколько цифр.

– М, А и Л, – прочитал я полушепотом. Напротив М стояло число двести пятьдесят, напротив А – семьсот, напротив Л красовалась сотня, а в скобочках была обозначена прописная «а». Рядышком была нарисована виселица со стрелочкой по направлению к букве Г, возле которой стояла цифра пять.

– И что вы об этом думаете? – обратился я к надзирателю.

– Думаю, – произнес он задумчиво, – что история запутанная.

– В логике вам, Лаврентий Филиппович не откажешь, – заметил я с невольным сарказмом в голосе. Однако Медведев на мой тон не прореагировал, по всей видимости, привык.

– Вот только, часики я у вас, Яков Андреевич, вынужден попросить обратно, – заметил он и добавил, словно извиняясь:

– Как-никак, а вещественное доказательство!

Я с трудом удержался от того, чтобы не спросить его, что именно эта вещь доказывает, но смолчал и послушно переписал все буквы и цифры к себе в записную книжку.

– Ну, вот и славненько, – приговаривал Медведев, похлопывая меня по плечу.

И чего только ради дела не вытерпишь!

– Ранее вы упоминали о каком-то свидетеле, – напомнил я надзирателю.

– Конечно, упоминал, – согласился Медведев. – У меня и данные его где-то здесь записаны, – добавил он и принялся переключать на столе с места на место стопки исписанной бумаги. Наконец он извлек на свет Божий то, что искал, и продиктовал мне под запись:

– Платон Модестович Слепцов, проживает на улице Московской, квартиру снимает у какой-то вдовы, в доме под номером шесть.

– И что же этот Платон Модестович из себя представляет? – осведомился я.

– Сами увидите, – усмехнулся Лаврентий Филиппович.

Я же настаивать не стал, распростился с квартальным надзирателем и поспешил по указанному адресу.

Трясаясь в экипаже, я от нечего делать рассматривал людей через каретное окошко. Народу высыпало на улицы – тьма! Однако я так и не заметил никого из знакомых, и меня это почему-то разочаровало. Видимо погода настраивала на

общительный лад, а я предчувствовал, что в скором времени вынужден буду погрузиться с головой в работу.

Экипаж остановился у железной витой ограды, я вышел из кареты и отправился напрямик к небольшому домику из белого кирпича, окруженному палисадником. Не успел я дернуть ручку звонка, как дверь мне открыла пожилая голубоглазая женщина в короткополом темно-коричневом шугайчике и длинной креповой юбке. Как я и предполагал, она и оказалась той самой вдовой, о которой говорил надзиратель.

- Чем обязана? - осведомилась женщина.

- У вас ли снимает комнату господин Слепцов?

- Ну, - насторожилась она. Мне показалось, что хозяйка не расположена к длительному общению.

- Так я к нему с визитом, - сообщил я ей, как можно любезнее.

Она пропустила меня в просторную переднюю, где горела огромная сальная свеча, и сказала, что уведомит обо мне Платона Модестовича.

- Как вас представить? - поинтересовалась она.

Я отрекомендовался:

- Отставной поручик Преображенского полка Яков Андреевич Кольцов.

Женщина скрылась за дверью, оставив меня в одиночестве, продлившимся несколько минут. Как я и думал, мое имя произвело на Слепцова благоприятное впечатление, и он, по словам хозяйки, согласился меня принять.

Платону Модестовичу на вид было далеко за пятьдесят. Я разглядел, что его дряблую шею украшал орден Станислава третьей степени, из чего было несложно заключить, что Слепцов долгое время прослужил на пользу отечеству в чине титулярного советника. Обстановка в его комнате была очень скромной, я бы сказал, даже бедной, потому я пришел к выводу, что материальное

положение Платона Модестовича отнюдь не блестящее.

– Чем могу служить? – вежливо осведомился он, с интересом наблюдая за мной. Его мутные глазки оживленно забегали под мохнатыми седыми бровями. – Присаживайтесь, пожалуйста, – засуетился Слепцов и сам пододвинул мне обшарпанный деревянный стул с высокой спинкой.

Я устроился поудобнее и приступил к расспросам.

– Вы лично заинтересованы в этом деле? – удивился он. – Меня уже допрашивал некто Медведев, – добавил титулярный советник и уточнил, скорчив гримасу:

– Пренеприятнейшая личность.

– Погибший был моим другом, – ответил я.

Истине это почти не соответствовало, знакомство наше было почти что шапочным, зато выглядело более или менее правдоподобно. Зачем еще мне могло понадобиться вмешиваться в дела полиции?

– Так, так, так, – затараторил Слепцов. – И что же вы желаете знать?

– Расскажите мне обо всем как можно подробнее, – попросил я его.

– С чего же начать? – Платон Модестович засомневался, обхватил двумя пальцами подбородок и зашагал по комнате.

– С самого начала, – посоветовал я.

– Ну что же, попробую, – послушно согласился титулярный советник. – Возвращался я поздно вечером от дочери, она у меня далековато живет, на Аптекарском острове. Ее супруг там домик прикупил с мезонином. Так вот, я к ним обычно раз в неделю наведываюсь, чайком побаловаться, поболтать о том, о сем. У дочки моей, у Машеньки, печенье всегда найдется домашнее, а зять мой человек сведущий, – Слепцов перевел дух и снова заговорил: – В вопросах политики.

Я с интересом внимал ему и не перебивал, вопреки своему страстному желанию направить наш разговор в совершенно иное русло. Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что чело – век, прерванный на полуслове, порой замыкается в себе. Поэ – тому я сдержал свой порыв и позволил Слепцову поведать мне все, что ему известно о замужней жизни Марии Платоновны.

– Так, о чем это я? – вдруг прервался Платон Модестович. – Ах, да, – он легонько хлопнул себя по лбу. – Темно уже было, я и не видел почти ничего. Но мне показалось, что человека в воду столкнули. Может, и померещилось? Не уверен я, – мой собеседник развел руками.

– А почему вам так показалось? – осведомился я.

Слепцов задумался, снова сорвался с места и зашагал по комнате. Наконец, он собрался с духом, чтобы ответить.

– Я увидел, как человек упал с моста, а потом услышал шаги, которые быстро удалялись прочь от рокового места. Хотя, – Платон Модестович все-таки остановился, – утверждать не берусь, – он вытер пот со лба батистовым платком с вензелями. – Возможно, несчастный юноша и покончил с собой, – Слепцов перекрестился. – Вам, вероятно, известно, что Петровские воинские артикулы относят самоубийство в разряд преступлений против жизни. Согласно закону, самоубийцу – неудачника, избежавшего смерти, приговаривали к смертной казни как посягнувшего на Божью волю и государственный интерес.

– Известно, – ответил я, изумленный его осведомленностью в этом вопросе.

– Ужасно, – воскликнул Платон Модестович. – Лично я этому бедняге сочувствую.

Я поблагодарил господина Слепцова и собрался было уже откланяться, но титулярный советник еще около получаса продолжал обсуждать несовершенства законодательства в прошлом и настоящем, а затем перешел к вопросу о даровании конституции Царству Польскому, так что мне удалось его покинуть только с преогромным трудом.

Извозчик меня уже заждался и явно обрадовался, увидев, что я по-прежнему жив и невредим. Он, кажется, вообразил себе обо мне уже Бог знает что. Усаживаясь в экипаж, я приказал вознице отправляться по направлению к

церкви Вознесения Господня.

Мать Строганова, Инну Ильиничну, мне довелось застать в слезах и глубоком трауре. Ее под руку поддерживал муж, Александр Савельевич, глаза у него также были заплаканы. Весь дом погрузился в уныние, в чем не было совершенно ничего удивительного. Ведь эта чета потеряла единственного сына!

Я был немного знаком с отцом семейства, и потому не было ничего зазорного в том, что я поспешил им выразить свое искреннее соболезнование.

- Так что же все-таки произошло? - осмелился я спросить.

Инна Ильинична бросила на меня изумленный взгляд.

- Так вы ничего не знаете? - печально спросила она, ее острый подбородок подрагивал. - А я-то думала, об этом весь Петербург уже говорит, - вздохнула она, подобрала край черного платья и присела в глубокое кресло, в котором мгновенно утонула ее не по возрасту хрупкая фигурка, которой могли бы позавидовать и молоденькие девушки. - Виталий был заядлым картежником, - сообщила Инна Ильинична. Я этого не знал, но все же подозревал, что это еще не повод для самоубийства. - Он задолжал кому-то огромную сумму денег, - глухо сказала она. - И мы ему ничем не могли помочь.

- Наш дом уже давно заложен, - добавил Строганов-старший. Жена взглянула с укором на Александра Савельевича.

- Все равно в свете скоро узнают, что мы разорены, - нервно воскликнул он.

Я вспомнил о записях на часовой крышке. Они подтверждали слова родителей и делали версию о самоубийстве вполне правдоподобной. И все-таки я попытался нащупать и какую-либо иную версию, озадачив Строгановых новым вопросом:

- У вашего сына не было врагов?

- Вы считаете, что его могли убить?! - изумился отец покойного. Он был в полном недоумении.

– Нет! – запротестовала Инна Ильинична. – У него хватало причин для того, чтобы свести свои счета с жизнью, – всхлипнула она. Александр Савельевич сжал ее руку, и его супруга продолжила:

– Его невеста, Аня Аксакова, узнала о состоянии дел и разорвала с нашим сыном помолвку. Так что, как видите, все складывалось одно к одному. Я едва наскребла ему двести пятьдесят рублей, но, по словам Виталия, эти деньги были только каплей в море и не могли погасить его долги.

– Куда направлялся Виталий в день своей гибели? – поинтересовался я.

– Это не секрет, – ответил Александр Савельевич. – В Английский клуб, он был его завсегдатаем.

Выходило, что буквы, нацарапанные на крышке от часов, могли означать конкретных персон, а цифры – конкретные суммы денег. И не нужно было быть гением, чтобы это понять. Если литерой «М» Строганов обозначил мать, Инну Ильиничну, то число двести пятьдесят вполне могло означать ту сумму, которую она ему одолжила.

Но если Виталий Строганов попал в столь затруднительное положение, то почему он не обратился к офицерам Ордена? Скорее всего, молодой ученик получил бы незамедлительную помощь. Однажды я сам по неопытности оказался в аналогичной ситуации, и не кто иной, как Иван Сергеевич Кутузов оказал мне неоценимую услугу, вызволив из беды.

Конечно, я мог допустить, что Строганов не посмел обратиться к братьям, так как принят был в ложу совсем недавно и, возможно, еще полагался на собственные силы. Может быть, он покончил с собой, повинувшись сиюминутному роковому порыву. Или несчастная любовь, наконец? Я подумал об Анне Аксаковой. Не успел еще аверлан увидеть свет истины! Недоглядели просвещенные товарищи!

Однако с этим как-то не увязывались показания моего свидетеля, кавалера ордена Станислава. Хотя он и не утверждал наверняка, но тем не менее. Оставалось над чем еще поразмыслить!

– Вы позволите мне осмотреть бумаги вашего сына? – обратился я к главе семейства. Он поднял на меня удивленные блестящие глаза.

– Но я не вижу смысла, – начал было он. – К тому же, ведь этим делом уже занимается полиция.

– Если ваш сын был убит, то мы, его друзья, должны, просто обязаны, покарать убийцу! – заявил я.

Инна Ильинична охнула и зажала рот рукой, едва сдерживая рыдания.

– Ариша, воды! – закричал Александр Савельевич. Девушки засуетились, и всеобщими стараниями мать Виталия все же удалось, наконец, привести в чувство.

– Ариша, проводи господина в кабинет Виталия Александровича, – устало сказала она. Отец возражать не стал, а только плотнее сжал свои губы, всем своим видом давая понять, что мое дальнейшее пребывание здесь просто-напросто неуместно.

Горничная Ариша, высокая стройная девушка с огромной русской косой, уложенной на макушке en diademe, приняла ключи из рук расстроенной барыни и довела меня до кабинета, который располагался на первом этаже, в самом конце коридора по правую сторону. Я медленно шел за девушкой, осматриваясь по сторонам. Совсем недавно еще эти люди могли себе многое позволить, но сегодня их будущее рисовалось в мрачных тонах.

Ариша вставила ключ в замочную скважину, но долго еще провозилась с замком, который никак не хотел открываться и впускать постороннего человека в обитель отсутствующего ныне хозяина.

Наконец дверь все-таки поддалась, ключ провернулся в хрупких руках Ариши, и мы очутились в пустующем кабинете.

– Ой, мамочки! – она закричала так, что слышно, наверное, было даже на улице. Ариша выронила связку ключей, и они со звоном упали на пол.

– Свят, свят, свят, – перекрестилась она.

В кабинете все было перевернуто вверх дном, стакан с хорошо заточенными гусиными перьями разбился, и осколки стекла вместе с его содержимым валялись на паркетном полу. Рядом лежал перевернутый пюпитр, повсюду были разбросаны бумаги, письма и книги. Чернила из перевернутой чернильницы растеклись по письменному столу.

– Что же это? – прошептала Инна Ильинична, внезапно появившаяся в дверях. Окно в кабинете было распахнуто настежь, и ветер гулял по комнате, гоняя раскиданную везде исписанную бумагу.

– Dieu! mon dieu! – воскликнул я, а я редко упоминал имя Господа Бога всуе.

– Какой кошмар! – громко сказал Александр Савельевич, подошедший к этому времени.

Я обернулся к нему и спросил:

– Вы по-прежнему полагаете, что ваш сын покончил с собой?

– Не знаю, что и думать, – признался ошарашенный Строганов. – Происходит что-то странное, – добавил он. – И это мне ужасно не нравится!

Говоря откровенно, в этом вопросе я был солидарен с Александром Савельевичем. Мне тоже ужасно не нравилось то, что творилось вокруг. Гибель Виталия Строганова все меньше походила на inferнальное стечение обстоятельств и простое самоубийство. Что-то подсказывало мне, что не бросался он с моста, не страдал из-за несчастной любви настолько, чтобы счеты с жизнью сводить, и с долгами при желании смог бы рассчитаться, достаточно было ему для этого обратиться к мастеру. Скорее всего, Слепцову все же не показалось, был в тот момент на Исаакиевском мосту кто-то еще, чьи шаги и услышал любезный Платон Модестович, возвращаясь с Аптекарского острова в тот печально известный вечер.

Итак, в кабинете масона что-то искали, скорее всего, какие-нибудь записи, так как пострадали в основном строгановские бумаги. Я осмотрел все документы и

заметки, что мне удалось обнаружить в кабинете. Потом я аккуратно собрал их и разложил по своим местам. Но я не обнаружил ни единой записи, которая выдавала бы принадлежность Строганова к масонской ложе. Это наводило на крамольную мысль о предательстве. Неужели Виталий что-то заметил и не успел сообщить? Возможно, он самостоятельно решил расправиться с предателем, нарушителем священной клятвы, а потому и пострадал за справедливое дело. А самоубийство было подстроено, инсценировано кем-то, спешно заметающим свои следы!

– Ариша! – обратился Строганов к горничной. – Немедленно собери всю прислугу! Я выясню в конце-концов что же здесь происходит!

Испуганная Ариша бросилась со всех ног выполнять распоряжение хозяина.

– Яков Андреевич, – окликнула меня Инна Ильинична. – Вы кого-то подозреваете? Я чувствую. Виталий намекал, что вступил в какое-то тайное общество. Вы считаете, его смерть имеет к этому отношение? – спросила она, с тревогой заглянув мне в глаза.

Я заколебался, стоит ли посвящать эту женщину в такие подробности. Мне и самому пока было слишком мало известно, да я и не знал, чем такие сведения могут для нее обернуться в дальнейшем. В итоге я посчитал, что лучше всего быть откровенным не до конца, и сказал, что ничего не знаю об этом.

Я заметил, что Инна Ильинична мне не поверила. Ее светлые глаза смотрели на меня с невольным укором.

– О чем это ты говоришь? – удивился Строганов. – Наш мальчик имел какое-то отношение к масонам?!

– А ты разве не заметил его увлечение мистикой, экзальтацию, наконец, таинственные исчезновения в неурочное время?! Я же предупреждала, что это добром не кончится!

В коридоре слышались шаги, и в дверь постучали.

– Входите! – крикнул Александр Савельевич, и на пороге возникла вся перепуганная дворня, включая кухарку и кучера.

– Кто и когда заходил в кабинет Виталия Александровича в последний раз? – прогремел над головами прислуги голос разгневанного хозяина.

Люди шептались, переглядывались между собой и молчали.

– Ну, – настаивал Строганов. – Я спрашиваю в последний раз!

Я не питал никаких иллюзий насчет того, что кто-нибудь из них признается в чем-либо.

Вперед выступила кухарка Наташа и, скрестив красные, загрубевшие руки на груди, произнесла:

– Так никто туда после похорон не заходил, ключи же всегда при себе Инна Ильинична держала.

– Мог быть и дубликат, – не сдавался хозяин.

Он выстроил в ряд всю свою челядь и принялся опрашивать каждого по очереди. Но результаты допроса так ни к чему и не привели.

– Ну, может быть, кто-нибудь из вас видел или слышал что-нибудь подозрительное? – уже взмолился хозяин заложен – ного дома, но люди в ответ только пожимали плечами.

– Сдаюсь, – отчаялся Строганов, подняв свои руки вверх.

Люди потихонечку начали расходиться. В кабинете осталась только преданная Инне Ильиничне горничная Ариша. Я распрощался с осиротевшими хозяевами, напоследок выпросив у них адрес бывшей невесты Виталия.

Кучеру в экипаже я велел отправляться к Кутузову, и колеса застучали по мостовой. Погода начинала медленно портиться, с моря налетел порывистый ветер, небо заволкло свинцовой мглой. Я подумал о том, что погода словно бы

предостерегает о грядущей опасности. На душе у меня было тревожно, какая-то мысль не давала покоя, но я никак не мог ее уловить, она ускользала от меня подобно змею.

Я достал из кармана сюртука листок со своими записями и снова стал раздумывать над значением букв. В соответствии с моими выводами Виталий Строганов задолжал некоему «Л» около ста рублей. Меня смущала прописная буква «а» в скобочках, по соседству. Я предположил, что она и означает тот самый Английский клуб, о котором мне говорили родители погибшего. Дело оставалось за малым – достать пригласительный билет. Как всегда в таких случаях, я решил обратиться к Кутузову. Принадлежность к могущественной тайной организации открывала передо мною практически любые двери.

Я сожалел о том, что не знал имени мастера Виталия, и мог только гадать, что же такое назревало в Ордене, из-за чего его рядовой член мог лишиться жизни. Ложа, в которой я состоял, придерживалась орденской системы Золоторозового креста, а потому пыталась решать всевозможные вопросы, в том числе и политические, путем алхимии, астрономии и даже магии. Поэтому мне трудно было сразу разобраться в происходящем, особенно учитывая тот таинственный ореол, который окружал всю деятельность ложи.

Кому же все-таки понадобилось перевернуть вверх дном весь кабинет покойного рыцаря ордена «Золотого скипетра»? Я подозревал, что здесь пахнет чем-то большим, нежели банальной охотой за деньгами. Я рассчитывал навести на эти мысли Кутузова.

Наконец экипаж остановился у кутузовского особняка. Я ударился локтем о ручку каретной дверцы, когда возница басом уведомил меня, что мы прибыли.

Как я и ожидал, Иван Сергеевич снова собирался на какую-то важную встречу, и мне чудом удалось застать его дома. Он предстал предо мной во всей своей государственной красе, в белом мундире со звездой и лентой.

– Яков Андреевич, очень рад! – приветствовал он меня. – Какие-то новости? – оживился Кутузов. – Пройдемте в библиотеку, там мы сможем переговорить спокойно.

Я согласно кивнул и последовал вслед за мастером. Когда двери за нами закрылись, Иван Сергеевич спросил:

- Вы напали на след убийцы?

- Нет, но...

- Неужели он и вправду покончил с собой? - перебил он меня, на его лице отразилось недоумение.

- Я так не думаю, - туманно заметил я.

- А в чем же тогда причина вашего неожиданного визита? - удивился Кутузов. - Вы нуждаетесь в помощи? - предположил он встревоженно.

- Нуждаюсь, - признался я и пересказал ему все, что мне удалось узнать к этому моменту.

- Так вы полагаете, - ужаснулся Кутузов, - что в ложе назревает предательство?!

- Не берусь утверждать, - осторожно ответил я. - Но кому и зачем понадобилось обыскивать строгановский кабинет? К тому же, как объяснить исчезновение всех бумаг, так или иначе связанных с Орденом? Это кому угодно покажется подозрительным! Я бы рекомендовал проверить архив. Вдруг обнаружится исчезновение какого-либо документа, компрометирующего Орден?

Кутузов нахмурился, и я прекрасно понимал его беспокойство. Политика - вещь серьезная! Кое-какие бумаги при ближайшем рассмотрении могли бы ой как не понравиться государю, и это могло бы грозить нашей ложе закрытием!

- Отправляйтесь домой, - ответил Иван Сергеевич. - Я пришлю к вам человека с пригласительным билетом в Английский клуб. На этот счет можете быть спокойны, так что продолжайте расследование!

О бумагах Кутузов ни словом не обмолвился, но я был уверен, что Иван Сергеевич непременно моему совету последует.

III

Я вернулся домой спустя полчаса, взволнованный и заинтригованный происходящим. Внутреннее чутье подсказывало мне, что дело с самоубийством принимает серьезный оборот, хотя я и полагал, что убийца, если мои догадки верны, и Строганов стал жертвой предателя, оставил слишком много следов, которые так или иначе рано или поздно на него выведут. И я не завидовал убийце, ибо сказано в нашем древнем уставе: «Клятвопреступник, да не избежишь ты казни твоего сердца!»

Мира, как обычно, дожидалась меня в английском парке, неподалеку от дома, среди хаотично посаженных деревьев.

– Как успехи? – заулыбалась она.

– Еще не знаю, – пожал я плечами. – Дело кажется мне запутанным.

– Убийство? – спросила Мира, ее черные глаза сделались серьезными.

Я кивнул.

– Как много зла в нашем несовершенном мире! – воскликнула она. – Я так устала за вас переживать! Неужели, Яков Андреевич, вы никогда не бросите ваше опасное занятие?!

– Мира, Мира, – я покачал головой. – Боюсь, мне придется тебя разочаровать. Я вижу смысл своей жизни в поиске истины. Ради этого я даже утратил частицу своей свободы!

Мне нередко случалось откровенничать с индианкой, но ни единого раза не заставила она меня пожалеть об этом. Мира умела хранить тайны не хуже иного масона.

– Прохладно, – сказала девушка, поевшись в своем спенсере. Легкая куртка была брошена ею на тонкое полупрозрачное платье из голубого флера. Погода и в самом деле испортилась, поэтому я взял ее под локоть и заторопился домой, под крышу своего особняка, выстроенного в античном стиле.

– Как Кинрю? – поинтересовался я. – Оторвался ли он от своих шахмат?

Мира усмехнулась:

– Едва ли.

Однако, как оказалось, индианка ошиблась. Мой золотой дракон уже давно наблюдал за нами из гостиной и отошел от окна только тогда, когда мы с ней переступили порог.

– Какие новости? – осведомился он, с видимым интересом. – Неужели я пропустил что-то любопытное? – Он сощурил свои и без того узкие глаза, которые превратились почти что в щелочки.

И тогда я пересказал ему все, что со мной случилось за этот день, предварительно прикрыв за собой все двери. Мира же покинула нас, удалившись в свой будуар, который располагался на втором этаже.

Я показал Кинрю свои записи, скопированные мною с часов почившего Строганова.

Японец слушал меня очень внимательно, не сводя с меня выразительного, сверлящего взгляда. Когда я замолчал, он задумался, а затем изрек:

– По-моему, это все же самоубийство.

– Почему ты так в этом уверен?

– Потому что, если это самоубийство инсценировано, то инсценировано оно очень бездарно. Просто-таки шито белыми нитками, и если ваши предположения верны, то подстроить его должен был ваш товарищ по тайной организации. Неужели такое возможно?

Этот довод меня смутил, но я все-таки не сдался:

- Он мог действовать в спешке, могли, наконец, возникнуть и какие-то непредвиденные обстоятельства!

- И никаких других версий вы не допускаете? - поинтересовался Кинрю.

- К примеру?

Японец замялся:

- Возможно, у погибшего были какие-то враги, вовсе и не связанные с вашим Орденом, или поводом послужила... - он на несколько мгновений задумался. - Ну, скажем, ревность? Что там за история с его невестой? Может быть, помолвку расторгли вовсе не из-за его страсти к игре? - предположил Юкио Хацуми. - Или, - продолжил он, - Строганов мог и сам уничтожить бумаги перед тем, как в последний раз выйти из дома...

- То есть, ты полагаешь, что он сам мог оказаться предателем?!

- Вполне возможно, - согласился японец. - А потом его просто-напросто устранили за ненужностью.

- Но тогда зачем ему понадобилось устраивать в своем кабинете такой беспорядок?! - рассуждал я вслух. - Почему окно оказалось распахнутым?

- Ветер, - пожал плечами мой золотой дракон.

- Не очень-то убедительно, - засомневался я. - Скорее всего, злоумышленник каким-то образом завладел ключом от кабинета покойного, потому и проник в него практически без труда. Правда, здесь налицо явный сговор с кем-то из слуг, иначе как бы ему удалось проникнуть в дом незамеченным!

- Возможно, он был знаком с хозяевами, - предположил Кинрю, но тут же оговорился: - Если, конечно, Яков Андреевич, ваша гипотеза верна.

– Он мог прийти на похороны, попрощаться с покойным, а заодно и заглянуть в кабинет, – эта догадка показалась мне наиболее вероятной. – Что-то помешало ему уйти через дверь, могло случиться, что он услышал шум в коридоре и во избежание бессмысленного риска удалился через окно, так и оставив дверь закрытой на ключ.

Кинрю размышлял разумно, и я признавал, что в логике ему не откажешь, достаточно было вспомнить, как он играет в шахматы или в вай ки. Но, так или иначе, я все равно продолжал считать, что Строганов стал жертвой вероломства одного из братьев. Что мог искать злоумышленник в его кабинете? У него ведь не было ни денег, ни драгоценностей! Только одни долги! Так кто мог на них позариться? Хотя, кто знает, возможно, Виталий был замешан в чем-то еще. Очень бы хотелось узнать, во что же именно?

Кинрю я противоречить не стал, но все-таки, для начала, решил настоять на своем и проверить ту версию, которая мне не давала покоя. Не построишь «духовного храма» вместе с предателем и убийцей! Потому я и считал это свое расследование одним из самых важных!

– Вот именно к невесте-то я и отправлюсь в первую очередь, – сообщил я ему.

– К чьей невесте? – на пороге гостиной стояла Мира, прикрывая дверь за собой. Она уже успела переодеться в лиловое сари. Руки ее были унизаны золотыми браслетами, один из которых был выполнен в форме индийского кадуцея, магического жезла, обвитого змеями.

– Ныне покойного Строганова, – ответил я.

– К Анне Аксаковой? – переспросила она.

Теперь настал мой черед удивляться, поскольку Мире я ее имя не называл.

– Откуда ты об этом узнала?

– Так ведь она – моя подруга, – невозмутимо ответила индианка.

– Что же ты раньше молчала? – воскликнул я. Мне и в голову не приходило, что у Миры в свете могут появиться подруги. Я, как всегда, ее недооценивал.

– А вы меня, Яков Андреевич, и не спрашивали, – из – рекла она с видом оскорбленного собственного достоинства.

– Каюсь, – смутился я. – Так я могу рассчитывать на тебя?

– Что вы имеете в виду, Яков Андреевич? – Мира сделала вид, что не понимает, чтобы побольше раззадорить меня. Она присела на оттоманку и откинулась на подушки. Иногда у нее побаливала спина вследствие перенесенных ею на родине страданий.

Я же прикинулся, что не понял ее игры:

– Ты не могла бы меня представить Аксаковой?

– Пожалуй, – на мгновение Мира смолкла, притворившись, что серьезно раздумывает над моим предложением. – Могла бы, – наконец-то выговорила она. – Кстати, сегодня Анечка приглашала меня к обеду, – девушка по-заговорщически улыбнулась, змеи на ее кадуцее загадочно поблескивали в свете камина, который был предусмотрительно разожжен, как только повеяло прохладой.

Как тут было ни возблагодарить Господа Бога за ниспосланную удачу. И невольно мне на ум пришли слова из псалма, которые я и прошептал к удивлению присутствующих:

«Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет».

– Она никогда не говорила тебе о своем женихе? – оживленно поинтересовался я.

– Что-то припоминаю, – наморщила Мира высокий лоб. – Кажется, он оказался *chevalier d' industrie!*

– Мошенником? – я не поверил своим ушам.

– Точно не знаю, – призналась Мира. – По-моему, это как-то связано с картами.

– Возможно, речь шла всего лишь о карточном долге?

– Утверждать не берусь, – индианка развела ухоженными руками. – Аня не любит об этом говорить. Вероятно, вы правы.

Я покинул своих друзей для того, чтобы провести несколько часов, уединившись в любимом кабинете. В полумраке своей почти что отшельнической кельи мне думалось яснее. Однако я решил на некоторое время отвлечься от мыслей, касающихся моего расследования, и заняться одним из философских трудов Сен-Мартена, который мне до сих пор недосуг было изучить. Но голова моя была всецело занята Виталием Строгановым, его трагической смертью и записями, сделанными им на часах. Я возлагал большие надежды на Английский клуб и господина Л., если, конечно, мои соображения соответствовали истине, и буквы, нацарапанные на крышке, означали конкретных лиц. Особенно меня интересовало, приходился ли он Виталию заимодавцем? Я полагал, что господин этот мог бы мне поведать прелюбопытнейшие вещи!

В дверь постучали, и в тот же миг мой взгляд невольно остановился на циферблате фарфоровых часов. Подумать только, ведь я и не заметил, как быстро пролетело время!

– К вам можно? – услышал я нежный голос Миры, затем позволил:

– Войдите!

Дверь приоткрылась, и на пороге возникла черноокая ин – дианка.

Выглядела она обворожительно: короткий глухой жакет из темно-синего бархата в обтяжку, с длинными, узкими рукавами, окаймленными кружевными манжетами, выигрышно подчеркивал изгибы ее фигуры, в глубоком вырезе с высоким гофрированным воротником виднелись смуглые прелести дочери диких джунглей, нитка розового жемчуга украшала лебединую шею. Волосы Миры были убраны кверху, разделены побором и распущены вдоль висков по плечам длинными локонами, перехваченными местами такими же нитками жемчуга, что и на шее. Перкалевая юбка, пышно украшенная блондами, покачивалась в такт

изящным шажкам. Я не встречал еще ни одной женщины, умеющей столь грациозно ходить. Левое запястье индианки было стянуто узкой бархатной лентой в виде браслета с миниатюрным замком из чистого золота. На браслете сверкал прозрачный большой сапфир, в прошлом гордость самой Калькутты.

Ручками в шелковых перчатках Мира сжимала вязаную су – мочку.

Мне невольно подумалось, что не зря меня в столичном свете величают любителем экзотов. Есть на то особенная причина!

– Яков Андреевич, вы еще не готовы? – ужаснулась она, как только увидела мой халат.

Я едва не хлопнул себя по лбу, потому как позабыл о званом обеде. Ничего не скажешь, хорош сыщик!

– Я мигом, – пообещал я ей, и она послушно вернулась в холл, дожидаться, пока я выйду. Мне пришлось наспех переодеться в длинные панталоны до щиколоток, ослепительно белую рубашку с крахмальным воротником, который неприятно кололся, впиваясь в подбородок, повязать вокруг шеи батистовый галстук бантом, обрядиться в короткий жилет из пике цветочками с двумя рядами серебряных пуговиц, а потом и во фрак с завышенной талией. Пришлось набросить поверх него и походный серый сюртук.

Кто ее знает, эту Аксакову, по каким критериям она судит о людях! Пожалуй, уж лучше перестараться с выбором одежды, но даме понравиться, чем натолкнуться затем на непонимание и глухую стену молчания замкнувшейся чопорной особы. Кому как не вашему покорному слуге знать, какие шутки с нами может сыграть симпатия!

Кинрю навязывался с нами к «невесте», но я напрочь отказался везти его с нами к Аксаковой. Довольно с нее экзотики, а то еще разговаривать не захочет! Свой отказ я пообещал японцу компенсировать поездкой в Английский клуб. Он проворчал что-то о европейской неблагодарности, но все же смирился и проглотил обиду из нежелания спорить, а может, потому что просто вспомнил о том, что его сила – невозмутимость!

Мира в нетерпении расхаживала по дому, размахивая из стороны в сторону ридикюлем, когда я приказал закладывать лошадей. Мой кучер, вытребованный из имения, высокий статный мужик в поярке, с окладистой кучерявой бородой, помчался готовить карету к вояжу.

Я взял Миру под руку и вывел ее на улицу. Это ее так развеселило, что она едва не задохнулась от смеха.

- Будто кисейную барышню, - объяснила она.

В экипаже я забросал мою спутницу вопросами, напрямую касающимися ее подруги, и выяснил кое-что интересное!

- Сколько лет нашей Анечке? - осведомился я, как только лошади тронулись с места.

- Летом девятнадцать исполнилось, - сообщила Мира, играя браслетом.

- Серьезный возраст, - заметил я.

- Напрасно иронизируете, Яков Андреевич, - сказала Мира с видом оракула. - Анна Александровна - не по годам разумная девушка.

- Что ты имеешь в виду? - поинтересовался я.

Мира пожала плечами, словно дивясь моему непониманию:

- В омут с головой не бросается, - растолковала она.

- Вот оно что, - ответил я. - Так речь всего-навсего идет о несостоявшейся помолвке!

- Всего-навсего, - подтвердила индианка. - Но, я думаю, вы должны понимать, что это ее во многом характеризует, - с данным выводом мне трудно было не согласиться. - Она практична, умна и может за себя постоять, - продолжала Мира, потом задумалась на мгновение, а затем добавила:

– Все свои решения Аня принимает самостоятельно, так что, я думаю, вам с ней придется нелегко!

Индианка сочувственно на меня взглянула, а потом тяжело вздохнула. Теперь я понял, что она согласилась представить меня Аксаковой только из чувства привязанности ко мне, рискуя потерять недавно завязавшееся знакомство.

– Она в самом деле богата? Или это только слухи? – осведомился я.

– Не знаю, – честно призналась Мира. – Доподлинно мне известно только то, что в приданое ей достались пензенские имения, на которые и соблазнился ваш подопечный, то есть... покойный, – поправилась она.

– Анна им увлеклась?

– Пожалуй, – сказала Мира. – Но я не уверена, – развела она руками. – Как я и говорила, Аксакова – особа весьма практичная, я бы сказала – меркантильная, – добавила она. – Если хотите, Яков Андреевич, – глаза ее игриво блеснули, – могу вам на нее погадать!

Я до поры до времени отказался от этого любезного предложения.

– Кстати, – вдруг вспомнила Мира, лицо ее сделалось серьезным и, пожалуй, даже взволнованным. – Анна как-то говорила мне, что ей знакома ваша фамилия!

Приятно было осознавать, что столь очаровательные барышни обсуждали мою персону.

– У меня известное имя, – успокоил я Миру. – Так что в этом нет ничего удивительного!

Однако я не был так уж уверен на этот счет, совпадения и случайности мне всегда не нравились. Я полагал, что Строганов вряд ли стал бы упоминать обо мне в разговоре с невестой. В конце концов он был хотя и новообращенным, но масоном и должен был уметь держать язык за зубами.

Анна Александровна Аксакова проживала на Сергиевской улице совместно с двумя престарелыми тетками, одна из которых звалась Пульхерией, нюхала табак и молодилась, а другая – Авророй, которая, напротив, все время изображала из себя умирающую и брала на себя труд учить всех и каждого, рассыпая советы направо и налево. Этой суровой менторше, которую, как говорили в свете, побаивался и стар и млад, умела противостоять одна только ее своенравная племянница. Но тетка ее любила и порою даже с ней соглашалась, а после расторжения помолвки со Строгановым зауважала Анюту еще сильнее.

Экипаж остановился у парадного подъезда двухэтажного белокаменного дома с колоннами. Я помог своей даме выбраться из кареты и направился напрямик к особняку, дернул ручку звонка, и дверь незамедлительно отворилась. Лакей оглядел нас с Мирой зоркими глазами с головы до пят, на мгновение его взгляд задержался на моей спутнице, затем скользнул по моим сапогам с узкими голенищами и остановился на экипаже. Оценив все увиденное, он отнесся к нам как к настоящим аристократам. Из чего я заключил, что лакею не откажешь в здоровом уме.

Слуга проводил нас в гостиную с огромными зеркалами. Через некоторое время на пороге появилась хозяйка и радостно заулыбалась при виде Миры.

– *Charmee de vous voir*, – запела она дежурную фразу.

Индианка представила меня:

– Яков Андреевич Кольцов, поручик в отставке, – и добавила, полусерьезно-полушутя:

– Мой господин и повелитель.

Анне Александровне шутка понравилась.

– Вы были на Востоке, – мечтательно сказала она.

Я согласно кивнул и только теперь принялся за изучение объекта, а он и в самом деле представлял из себя огромный интерес, особенно для ловеласа. Вот только если бы не характер!

Анна Аксакова была обладательницей огромных зеленых глаз с полуопущенными богатыми ресницами, боярских соболиных бровей, чуть вздернутого тонкого носа и пухлого чувственного рта. Ее золотистые волосы на темени были собраны в пучки и спрятаны под тонкую жемчужную сетку. Одетая она была в вышитую канзу с тончайшим кружевом валансьен, как я полагал, напрямую выписанным из Франции.

«Не пара ей Виталий, не пара», – заключил я, едва только увидел Анну Аксакову.

– Пройдемте, пожалуйста, в столовую, – попросила она, подобрала обе свои юбки и поманила нас за собой. Мы вслед за ней покинули комфортно обставленную, гостиную.

Столовая в этом доме была скромная, но уютная. В центре комнаты, между двух окошек, располагался огромный стол с закуской. Разговор поначалу как-то не клеился, но в итоге мне на правах скорбящего друга ее покойного жениха все-таки удалось Анну Александровну мало-помалу расспросить о ее расстроившейся помолвке.

Особо расстроенной бывшая невеста не выглядела, скорее наоборот, можно было подумать, что она испытывает огромное облегчение.

– Где же я слышала вашу фамилию? – пыталась вспомнить Аня.

– Не расстраивайтесь, – успокаивал я ее, немного лукавя. – Не так уж это и важно.

– Были ли вы на похоронах? – спросил я ее чуть позже, когда горничные стали убирать со стола.

– Была, – вздохнула Анна Аксакова, и прозрачные глаза ее с томной поволокой все-таки заблестели от нахлынувших слез.

– Вы любили его? – спросил я с сочувствием.

Она подняла на меня глаза и медленно выговорила:

- Не знаю, - Анна помолчала немного, а потом нервно воскликнула:

- Вы только подумайте, я бы уже овдовела!

- Но вам вопреки всему удалось-таки избежать столь печальной участи, - заметил я с невольной иронией.

Мира бросила на меня укоризненный взгляд и ущипнула за локоть. Хотя она ничего при этом не сказала, но я так и услышал ее слова:

«Яков Андреевич, вы просто невыносимы!»

И я отмахнулся от ее взгляда, словно от наваждения.

- Что с вами? - поинтересовалась Аксакова.

- Нервы, - я улыбнулся как можно любезнее. - Вы ведь тоже готовы расплакаться!

- Даже не знаю почему, - ответила Анна. - Виталий-то интересовался мной только корысти ради!

- Вы считали его мошенником?

- Ну что вы, - возмутилась Аксакова. - Это, пожалуй, сказано слишком громко! - она улыбнулась и рукою поправила и без того безукоризненную прическу. - Виталия погубило его пагубное пристрастие, - сказала она даже с некоторым презрением. - Он обещал мне бросить играть. Я ведь как-то ссудила ему семьсот рублей, - Анна махнула рукой. - Но все без толку!

- Вы уверены в том, что он покончил с собой?

Анна вспыхнула и пролепетала:

- А вы полагаете, что?..

– Я только интересуюсь, – сказал я в ответ.

– Но это очень странно, – заметила Анна Александровна. – Хотя...

Я насторожился, мне показалось, что девушка что-то знает, но не решается мне сказать.

– Вы вспомнили что-то подозрительное? – поинтересовался я.

– Я видела его в обществе странного человека, типа пренеприятнейшего... По моему, он промышляет себе на жизнь чем-то грязным, мерзким, – Анна сморщила свой очаровательный носик. – Мне кажется, что он шулер – добавила девушка вполголоса, словно считала это слово неприличным в устах воспитанной девицы, каковую она считала себя.

Я заключил, что наш разговор удался, и покинул Анну вполне довольный собой, особенно от того, что ее знаменитые тетушки так и не появились. Паче всего меня радовало отсутствие Авроры Вениаминовны.

В карете, уже оставив Сергиевскую улицу далеко позади, я вспомнил про записки Виталия, заглавную букву «А» и цифру семьсот. Выходило так, что под этой буквой Виталий обозначил свою невесту.

– Где ты познакомилась с Анной? – обратился я к Мире, погруженной, похоже, в собственные невеселые мысли. Индианка не сразу меня услышала.

– Мира! – снова позвал я ее.

В этот раз Мира отозвалась:

– Вы о чем-то спрашивали, Яков Андреевич?

Я кивнул и повторил свой вопрос.

– Меня с ней познакомил Рябинин, – невозмутимо ответила индианка, словно говорила о вещах само собой разумеющихся.

Серж Рябинин, мой приятель, гвардейский офицер, жгучий брюнет с цыганскими глазами, с некоторых пор сделался ее поклонником, которому она так и не удосужилась ответить взаимностью, но тем не менее благосклонно принимала его ухаживания.

- И какое же отношение он имеет к Аксаковой? - осведомился я, начиная уже терять терпение. От дела Виталия Строганова у меня к этому времени голова кругом пошла.

- Самое непосредственное, - сказала Мира, поправив кружевные манжеты.

- А нельзя ли конкретнее? - я весь уже превратился в натянутую пружину, готовую вот-вот лопнуть.

Мира это заметила и воспользовалась моментом, чтобы поиграть на моих нервах. Скорее всего, это была маленькая месть с ее стороны в ответ на мое невольное невнимание.

- Разумеется, можно, - отвечала она. - Серж приходится ей каким-то троюродным кузеном.

- Так, значит, - воскликнул я, - он тоже может что-нибудь знать о Виталии!

- Думаю, да, - согласилась Мира.

Тогда я и велел своему кучеру свернуть на другую дорогу, которая вела к дому Рябинина.

Сергей был искренне рад нашему визиту, главным образом внезапному появлению Миры у него в гостях. Он по-прежнему был ею очарован, как в первый день знакомства.

Индианка уселась в массивное темно-зеленое кресло в имперском стиле и полностью погрузилась в изучение орнаментального рисунка на стенах.

- Мы по делу, - сказал я Сержу многозначительно. Он поднял удивленные брови и, ничего не понимая, уставился на меня. Рябинин был в курсе того, чем я

занимался, и знал о моем членстве в Ордене, но в обстоятельства своих дел я его обычно не посвящал.

– Буду очень рад, Яков Андреевич, оказаться вам чем-нибудь полезным, – ответил он, и лицо его сделалось сосредоточенным.

– Речь пойдет о вашей родственнице Ане Аксаковой и о Виталии Строганове. Главным образом меня интересует Анин жених, – я перешел сразу к делу.

Сергей Арсеньевич немного задумался, помолчал, покрутил нафабранные усы и только потом заговорил, прервав затянувшуюся паузу:

– Мне этот господин никогда не внушал доверия, и я не скрывал этого от Анны!

Мне вспомнилось ангельское личико Строганова, его светло-голубые глаза, белокурые завитки волос, нежная улыбка. Неужели я совсем не знал этого человека? Я и подумать не мог двумя днями раньше, что о нем кто-нибудь сможет так неподобающе отзываться!

– И в чем же причина неприязни? – сухо осведомился я.

– В его пороке! – воскликнул кавалергард.

– А разве вы сами не играете в карты? – напомнил я Сержу. Или он запомнил, при каких обстоятельствах мы с ним познакомились?! Серж проиграл мне партию в карты, хотя справедливости ради я должен заметить, что произошло это не случайно, и я лишь позволил ему отыгаться, что, в общем-то, и послужило началом наших с ним приятельских отношений.

– Играю, – не стал отрицать Рябинин. – Но я не болен, – произнес он едва ли не по слогам. – Виталия сгубила страсть, и я очень рад за Анечку, что она не связала свою жизнь с этим человеком. Мне даже кажется, – добавил Серж, – что умер он не по своей воле. Долги долгами, но что-то тут не так!

– Почему вы так считаете? – ухватился я за предоставленную мне возможность разузнать об этом деле побольше. – Возможно, он страдал от того, что его бросила невеста!

– Вся его жизнь была окружена какой-то таинственностью, иногда он исчезал, не сказав ни слова, и Аня переживала, – сказал Рябинин.

Но в этом для меня не было ничего удивительного, принадлежность к «Золотому скипетру» иногда вынуждала человека вести в некотором роде странный образ жизни.

– И больше никаких оснований? – спросил я разочарованно.

– Он водил дружбу с подозрительными личностями, – продолжил Серж.

– С кем именно?

Рябинин пожал плечами и сказал:

– Имен я не знаю. Но один такой тип крутился возле него последнее время постоянно.

– Ну, припомните хотя бы какие-нибудь приметы, – попросил я его. – Как он выглядел?

– Невысокий, одевался обычно франтом, на лбу написано, что пройдоха. Глазки такие узкие, бегают все время, по-моему, серые или светло-карие, болотного такого оттенка. Нос широкий с горбинкой, губы толстые, мясистые. В общем-то ничего особенного, никаких особых примет, ни родимых пятен, ни шрамов, – ответил Серж.

– А жаль, – вставила свое слово Мира.

– Жаль, – согласился Сергей Арсеньевич. – А, вспомнил, – он поднял вверх указательный палец. – Виталий как-то проговорился, что он – игрок. Я полагаю – шулер!

– Это тот самый, о котором вы, Серж, так много рассказывали, в цветном жилете и с седыми бакенбардами? – спросила индианка, вдруг заинтересовавшись нашей беседой.

– Абсолютно точно! – подтвердил Рябинин.

– Но вы же утверждали, что он заика, – сказала Мира.

– Конечно, – согласился Сергей Арсеньевич. – Как же я мог забыть? Совсем вылетело из головы, – смутился он.

Итак, это было уже кое-что, от чего я мог оттолкнуться в своих поисках. Я не знал еще точно, что или кого именно я ищу, и нащупывал дорогу впотьмах, но я был уверен, что во что бы то ни стало разыщу этого игрока-заика. Интересная получалась картинка, занимательная!

Я рассуждал следующим образом.

Виталий Строганов каким-то образом, вероятно, вследствие своей пагубной страсти к игре, становится жертвой ловкого мошенника – карточного шулера и оказывается должным ему, ну, скажем, около пяти тысяч рублей. Этакому заикающемуся щеголю! Смех да и только!

Я предполагал, что на строгановских часах он записан под именем господина «Г», около которого была обозначена цифра пять и красовалась кривая виселица. Я исходил из того, что это число в записях Строганова было самым значительным, если предположить, что Виталий просто-напросто опустил несколько нулей. Оно и означало ту самую сумму его долга, которую он никак не мог выплатить проходимцу по причине разорения своего семейства.

Кто-то в день похорон обыскивает его кабинет в поисках какого-то обличающего документа. Что это за личность, по-прежнему является огромным вопросом!

Мне оставалось только найти связь между двумя этими событиями и его самоубийством или, pardon, убийством. Но вряд ли Виталия сбросил с моста карточный шулер. Мелкая птица, полет не тот!

Я же предполагал, что важнейшим моментом во всей этой истории является членство Строганова в масонской ложе. Но доказательств сего я раздобыть пока так и не сумел, несмотря на все свои титанические старания.

Часам к четырем мы вернулись с Мирой домой. Она сразу поднялась к себе в будуар, я же, сбросив с себя сюртук вместе со шляпой, вернулся в гостиную, где и застал задумчивого Кинрю с грустью на усталом челе. Мой японец в полосатой легкой юкате – просторном национальном халате, восседал за хрупким столиком в стиле Людовика XIV, украшенном белоснежными раковинами, инкрустированными перламутром, и грыз измятое, плохо заточенное перо, представляя собою весьма необычное и комичное зрелище. Кажется, он взялся за сочинение очередного хокку. Если мой Кинрю погружался в поэзию, то лучше было его не трогать, это я уже знал по опыту.

Он оторвал свой зачарованный взор от исписанного иероглифами листа бумаги и продекламировал вслух:

Тяжело нести

закаленный меч.

Но в бою – победа!

К сожалению, я не был поклонником японской лирики и отдавал предпочтение творчеству Николая Карамзина. Однако я не смел об этом и заикнуться своему самураю. Несмотря на все свое мужество, силу воли, выносливость и прочие замечательные качества японского дворянина, он обладал не в меру обидчивым характером, отчего нередко попадал в щекотливое положение, так как до сих пор не адаптировался к европейской культуре. А я, признаться, относился к нему с огромной теплотой и желал ему только добра.

– Великолепно, – польстил я золотому дракону и собрался уже отправиться в свой кабинет, чтобы так же заняться записями. Правда в моем случае я намеревался продолжить свою искреннюю исповедь в собственном дневнике, недавно приобретенной тетради, переплетенной лиловым бархатом.

– Яков Андреевич! – окликнул меня Кинрю, окончательно выйдя из своего поэтического оцепенения.

– Что? – обернулся я.

– Вам послание от Кутузова, – сообщил японец и передал мне конверт.

Я поблагодарил его и наконец отправился в кабинет, где и распечатал письмо, в котором Иван Сергеевич желал мне всяческого успеха. К письму прилагалось обещанное приглашение в Английский клуб, из чего я заключил, что мое исповедание этим вечером снова отменяется.

Я вернулся в гостиную, где Кинрю продолжал по-прежнему творить свои вирши.

– Не желаешь ли прокатиться в Английский клуб? – поинтересовался я как бы невзначай у Юкио Хацуми.

– Пожалуй, – заметил он. – Хотя я привлеку к себе слишком много внимания. В этом трудно было не согласиться с Кинрю, но у меня были совсем иные планы на его счет.

В клубе собирались в основном гвардейские офицеры и цвет штатской аристократии, в число которой входил и сам Виталий. Естественно, появление Кинрю, несмотря на его высокородное происхождение, в данном обществе не осталось бы незамеченным. Я рассчитывал взять его с собой в качестве преданного телохранителя и попросить подождать меня в экипаже.

– Если только я останусь в карете, – опередил меня Юкио Хацуми.

– Именно об этом я и хотел тебя попросить, – сказал я, опасаясь, что наше предприятие может оказаться опасным.

– Оказывается, я умею читать мысли на расстоянии, – пошутил японец. – Мира могла бы у меня поучиться, – добавил он.

– Вы говорили обо мне? – появление индианки застало нас обоих врасплох. Я не хотел далее втягивать ее в это дело и подвергать ее жизнь опасности. Мира и так, вопреки моему желанию, оказалась в эпицентре событий.

– Ты – единственная тема для наших разговоров, – ус – мехнулся японец.

– Так, значит, мне показалось? – усомнилась она. – А куда это вы собираетесь?

– В Английский клуб, – честно ответил я. – Переки – нуться в карты.

– Понятно, – сообразила Мира. Провести эту женщину было не так-то просто. – Вы, Яков Андреевич, собираетесь шулера искать, – она вздохнула. – Я надеюсь, вы одели ваш амулет?

Я инстинктивно дотронулся до груди, ромбики Миры были на месте. У меня появилось ощущение, что от них исходит магическое тепло.

– Разумеется, – успокоил я Миру.

Собираясь в Английский клуб, я прихватил с собой в ящичке пару пистолетов и был уверен в том, что Кинрю также позаботился о своей самурайской экипировке. Чего только стоило его платиновое кольцо со спицей. Он умел обращаться с ней не хуже, чем гвардеец со шпагой.

Клуб располагался в Адмиралтейской части города, поэтому мы добирались к нему совсем недолго. Он занимал один из роскошных особняков с бельэтажем.

Кинрю пообещал дождаться меня во что бы то ни стало, я же просил его быть начеку. Появилось такое ощущение, что я собираюсь в какой-то вертеп, а не на светское мероприятие.

Предъявив швейцару на входе свой пригласительный билет, я поднялся по лестнице с зеркалами в большую овальную залу, где располагались карточные столы. В одном из понтирующих я узнал знакомого по Лейпцигскому сражению князя Львова. Дождавшись конца тальи, я подошел к нему. Он очень оживился, узнав меня.

– Кольцов! Какими судьбами?! – воскликнул князь Николай. – Неужели вы наконец решили присоединиться к нашему обществу? Глазам своим не верю! – воскликнул он. – Яков Андреевич Кольцов, – представил меня Львов двум подошедшим к нам господам. – Лучший игрок в Санкт-Петербурге!

– Вы мне льстите, – заметил я.

– Не скромничайте Яков Андреевич, не скромничайте! – заулыбался он. – Господа, не слушайте его! – обратился князь к присутствующим.

– Может быть, партию в фараон? – поинтересовался высоко – кий блондин в сером фраке со звездой.

Я подумал, что разговариваю с одним из правительственных чиновников. Если мне не изменяла память, то несколько лет назад я видел его в обществе самого Сперанского, когда тот был в фаворе у государя.

– Господа, я сегодня не в духе, так что прошу меня извинить, – отказался я.

– Как знаете, – пожал плечами чиновник.

Когда мы остались с князем наедине, он поинтересовался, в чем же истинная причина моего сегодняшнего появления, и я намекнул ему, что разыскиваю преступника. С ним я мог откровенничать, так как Львов был масоном, и я был уверен, что тайну мою он будет хранить так же свято, как свою собственную.

– Вот так да! – всплеснул он руками, как только я закончил рассказ. – Сдается мне, что дело это очень запутанное.

– Согласен, – ответил я, в этом для меня, к сожалению, не было абсолютно ничего нового.

– А личность Виталия Строганова мне как будто знакома, – усмехнулся Николай Александрович. – С месяц назад я одолжил ему около тысячи рублей. И теперь, как я полагаю, вряд ли мне стоит ожидать расплаты.

Меня удивляло, как много в этой истории замешано знакомых людей. Дело это казалось мне внутренним и каким-то чуть ли не семейным. Поэтому я и занимался им с неохотой, словно во мне рос неподвластный моему разуму страшной силы протест. Я боялся натолкнуться на неприятные, мучительные для себя вещи и очень опасался за жизнь и благополучие близких мне людей, так или иначе связанных с моим расследованием.

– Его похоронили вместе с долгами, – ответил я.

- Этого следовало ожидать, - туманно заметил Львов, посторонившись к окну.

- Что вы имеете в виду?

- Я видел его в обществе человека, о котором мне известно доподлинно, что он карточный шулер, - объяснил князь. - Около года назад он был с позором изгнан из нашего клуба.

- Этот шулер заикается?

Николай Александрович подтвердил все ранее собранные мною сведения.

- Как его имя?

- Не берусь утверждать, но, по-моему, его звали Матвеем Воротниковым.

- Военный? - любопытно спросил я.

- Нет, он из рябчиков, - шутливо заметил Львов. - Я слышал, родная семья отказалась от него, и неизвестно, где он теперь обретается. А Виталия я предупреждал, - Николай Александрович махнул рукой. - Он слушать никого не хотел. Однако я заметил, что Строганов был готов на крайности и клялся мне, что непременно добудет деньги. Однажды он намекнул мне, что должен еще кому-то гораздо большую сумму денег. Я за голову схватился, куда же смотрел его поручитель при подготовке Виталия к посвящению?! Мне ни разу не доводилось видеть его в лицо, имени его я не знал и поэтому решил встретиться с ним через Кутузова или ратора Грушевского, с которым за годы служения в Ордене у меня сложились неплохие приятельские отношения.

- Благодарю вас, Николай Александрович, вы в некотором роде мне помогли.

- Не стоит благодарности, - отмахнулся князь Львов, понимая, что рано или поздно я тоже ему понадобится. - Вы останетесь ужинать? - поинтересовался он. Я ответил, что у меня, к сожалению, слишком мало времени, чтобы тратить его столь бесполезно.

- Не смею вас задерживать, - ответил князь, и я отправился восвояси.

В экипаже меня ждал продрогший Кинрю, не захвативший с собой пальто или бурнуса.

– Удачно? – осведомился он заинтересованно.

– Можно сказать, что да, – произнес я задумчиво. – По крайней мере, теперь я знаю имя мошенника. Его зовут Матвеем Воротниковым, он заикается и одевается франтом. Так что, я полагаю, нам не составит особого труда его найти.

– И что же вы, Яков Андреевич, будете делать, когда встретитесь с ним лицом к лицу? – осведомился японец, поглаживая щеточку усов над губами.

Я зашуршал свежим номером «Сенатских ведомостей», прихваченным мной на всякий случай в дорогу. Вопрос золотого дракона поставил меня в тупик. Я и сам еще не знал, что может готовить мне встреча с тем человеком.

– Я уповаю на Господа, – сказал я смиренно.

Кинрю покачал головой, но промолчал и ничего не ответил. Японец всегда уповал только на себя с тех самых пор, как долг разлучил его с матерью. А это произошло едва ли не во младенчестве.

– И куда же теперь мы направляемся, если не секрет? – поинтересовался Кинрю.

– К одному из моих агентов в игорном деле, – загадочно улыбнулся я.

– А у вас и такие имеются? – подивился Кинрю, надвигая на глаза высокую шляпу.

– Еще и не такие, – заметил я самодовольно, а потом приказал вознице свернуть на Загородный проспект, затем на Разъезжую улицу и в Чернышов переулок.

Чем ближе мы подъезжали к месту своего назначения, тем оживленнее становилось на улицах, тем беднее казались горожане, тем грязнее дорога.

– Если не ошибаюсь, здесь толкучка недалеко? – предположил Кинрю.

– Не ошибаешься, – я уставился в каретное окно и с интересом рассматривал окрестные сооружения, которые снисходительно именовались домами.

Тут я и скомандовал кучеру остановиться. Извозчик послушался, я вышел из экипажа и направился к лотку со всякой женской мишурой. У лоточника я узнал, где сегодня столуется Мишка Круглов, очень известная личность в этих краях. Он-то и являлся моим агентом.

Я вернулся в карету и объяснил извозчику, как проехать к трактиру. Как только мы прибыли, Кинрю попытался увязаться за мной, но я приказал ему сидеть на месте.

– Брать-то вам меня с собой зачем надо было, Яков Андреевич? – пробурчал японец вполголоса. – Лучше бы я еще поупражнялся в сочинении хокку.

– Не сердись, – попросил я его. – Скоро и твое время настанет!

Дворник в ярком жилете, ситцевой голубой рубашке и широких домотканых штанах указал мне на комнату Круглова. Я отблагодарил его серебряной монетой и постучал в закрытую дверь. В ответ воцарилась мертвая тишина, готовая вот-вот взорваться пушечным залпом. По крайней мере, мне показалось именно так.

Я снова принялся настукивать в дверь, пока наконец не услышал легкие, чуть слышные шаги и скрип в замке. Я надавил плечом на дверь, она неожиданно распахнулась, и я провалился в комнату, где меня немедленно оглушили чем-то очень тяжелым, и я повалился на пол.

В себя я пришел только тогда, когда кто-то вылил мне в лицо воды из ушата. Душ был ледяным, но я вскочил как ошпаренный, с болью в разбитом затылке и страстным желанием как следует проучить негодника.

– Яков Андреевич, вы?! – скалил зубы Мишка Круглов. – Ну не узнал я, ей-богу, не узнал! – запричитал он, понемногу начиная пятиться к стенке. Я медленно надвигался на него, словно бог отмщения.

– Да успокойтесь вы! – прикрикнул Михайло. – И звук его голоса наконец-то привел меня в чувство.

– Что здесь происходит, в конце концов? – возмутился я, присаживаясь на хромоногий стул у стенки.

– Да на меня тут вчерась облаву устроили, – оправдывался Мишка, почесывая в затылке. – Вот я и осторожничаю!

– Что за облава?

– Да так, – Круглов прикусил изуродованную губу. – Старые счеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/arsan-ev_aleksandr/ierusalimskiy-kovcheg

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)